

20

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Октябрь 1988

Двухнедельный иллюстрированный журнал

ISSN 0131-1919

АНДРЮША, Я ХОЧУ, ЧТОБ ТЫ БЫЛ БЕССМЕРТЕН!

ПАМЯТЬ

Татьяна
ЕГОРОВА

Недалеко от зоопарка, в доме где было слышно, как режут бетон, ты, в 196... году, после традиционных слов, пожеланий, музыка танцев, бесшабашного веселья вдруг... Это было 8 Марта, в день рождения, когда «над розовым мерем вставала луна, во льду зеленела бутылка вина и томяно кружились влюбленные пары...» Вступиле слов и движений, в свете флюоро того утра вдруг... уже как будто совсем нехстати (ошалевшие от радости жизни гости собирались расхотиться), вдруг — Андрюша, я хочу, чтоб ты был бессмертен! Императив, «тость», комок, вылетевший из гортан, умоляющее созвучие из семи слов появилось в доме, на улице, в мире... Пауза. «Оригинальная мысль с парадоксальным оттенком», — подумали многие. Комментарий, смех, ирония... Господи, до чего мы тогда были счастливы и беспечно! Реплики:

— Ну уж так уж и бессмертен!

— Это уже слишком!

— Вы, милая, загнули!

— На посошок!

— Вы мне прищемили! Пауза.

И, как всегда, на прощание Андрюшино — я вас прошу не хлопать дверь лифта.

Гости ушли. Императив остался. С тех пор прошло много лет...

Судьба устроила мне первое свидание с Андреем Мироновым на гастролях в Риге в спектакле «Над пропастью во ржи» Сэллинджера в постановке А. Шатрина. Андрей играл Холдена, а меня, невеликая покинувшую Театральное училище им. Б. В. Шуккина, за два часа до начала действия ввел своей талантливой рукой А. Шатрин. Ввел в спектакль, ввел в мою будущую театральную жизнь, в мою судьбу, которой именно так суждено было состояться.

Очень трудно вспомнить всю историю (я играла Салли Хейс) не потому, что это было давно или потому, что слабеет память, а потому, что счастье не оставляет по себе воспоминаний. Помню только, что я впервые шагнувшая на профессиональную сцену, наткнулась на одержимого американского мальчика в красной кепке с большим козырьком, с глазами цвета синьки... Он так умолял Салли... о чем? Очень быстро говорил, чего-то требовал, страдал, сердился... И так закрутил меня в воронку своего безудержного темперамента, что обрушился только от алкодисментов, как от пощенины, и так не хотелось покидать сцену — и... Холдена. Его судьба была ко мне милостива — я провела свою жизнь возле Андрюши в одном театре двадцать один год. И двадцать один год я видела у Андрюши Порыв. Наверное, это творческий порыв в личности — порыв к неравенству, нарушение равенства, возвышение. Андрюша волею Бога дана была дерзостью таланта, который постоянно таял его в

предельной общности. Во всем. Для некоторых это выглядело экзотичным. Но его ждала природа, его река, его небо, его земля, его выходы в «новые сферы». Однажды в спектакле «Дон-Жуана» Фриша за репетиции много репетиционного зало Театра Сатиры (Андрей реперитор-донец Дон-Жуана) в черных бархатных брючках, в белой рубашке «саши», со шлягой в руках он произнес последние слова монолога. И вдруг, без объявления без перехода — ступил Пастернак! «Во всем мне хочется дойти до самой сути...» и встает, в поисках пути, в сердечной смуте... Ритм нарастал... «О, если бы я только мог, хотя отчасти, я написал бы восемь строк о свойствах страсти...» и как следом... «Хочу думать, чувствовать, любить, сшить свои открытия». И весь он был вдохновен, востановился, выслушал, выслушал, выслушал, и уследив за полуступающей в зал замерши, продолжал что полет в «другую сферу» — «Февраль, достать чернил и плакат», «Быть заметным нехорошо...», «Я дал разлетаться домашним...», «Не плачь, не плачь, не плачь, губ...» Это казалось бы небольшое, событие было сущностью его таланта и способом существования в этом мире. Это было волшебство, постижение «достигнутого торжества игра и музыка — натянута титива титива дука». Может быть, в этот момент слова «слова магический кристалл» вернула ему роли — Жадова, Фигаро, Чацкого...

Для драматурга было надлено талантом разнообразным, красками, по ему мог бы поиздавать сам световой спектр. В «Продолгах Скалена» Мольера, играя Сильвестра, он так весело прыгал по сцене как мячик, так танцевал свое «прыгучество», что нарушил границы общности и вышел в оркестровую яму. Разорвав барaban, на который он прыгал, он вынул, в ключок, со свойством микса он выпрыгнул из своей «неожиданной сферы» в ту же точку, на подмостки сцены, под гром аплодисментов. И, наверное, неспроста судьба, подметив это его зарисованное детское свойство, протянула ему свою «абрильявонную руку», вытолкнула его на сцену в рваном платье, с бабочкой на шее, в «лимон пера» в роли Велесисмедина и дала ему озвучить его непонятный внутренней смысловой ритм его своеобразных песнях, где духи музыки и духи движения, сливаясь loudly, делали его родственником многим звездным артистам Голливуда 30-х, 40-х годов.

Музыка в жизни Андрея всегда обладала руководящей властью, организовывала страсти и мысли. И вот — 1968 год!

С легкой руки влюбленного в музыку и в Андрея композитора и артикера А. Кремера в Театре Сатиры состоялся концерт! Андрей — первый! Пел под оркестр! Как он это делал... «Если повезет чуть, чуть...» Шерм Обанье. Нечеловеческая зарисованность. «Если повезет чуть, чуть...».

Ему, конечно, повезло. Он появился на свет у талантливых роди-

телей — теркий юмор Марии Владимировны, логика и музыкальная подлинность в характере Александра Семичова. В этом прекрасном доме гармонично происходила эволюция и «передача» культуры следующему.

Жюльен Папа! «Любовь — не карточка, не брошьшь в окошко!» — эта песенка была «взводом программы» в спектакле Театра Сатиры «Интервенция». Л. Славина, песенка, которую дома, откры крышку реперитория, Александр Семенович Менкер и который до конца своей жизни, блестяще исполнил Андрей на эстраде. Что-то очень астенничное, скромное есть в том, что Андрей всегда говорил: «Я пою не песни, а... песенки».

Андрей всегда был подвержен влиянию тех ролей, которые он репетировал, был подвержен творчеству, поскольку творчество формировалось у него. Как он сказал, «ней» — это труд в высочайшей степени», то Андрей был гений. Это было гениальное сотворчество со своей природой, которой не попустился наградить его Бог. Звонят домой — сегодня вечером срочный ввод на роль интерферции, которую выскли, в «Ревизоре». Роль совсем маленькая, но... ролик. Это был Художник!

Репетировать не было времени... я выучил текст и в антракте перешел на сцену «определить трагедию» роли с Андреем. Мы прошли сцену три раза, и на слово «спасибо», подобрал полуслово платья, я двинулся за кулисы. «Ты куда?» — спросил изумленный Андрей. — Давай еще пройдем... «Давай», — бормочет, скривился. — Если, — сказала. — Антракт длился пятнадцать минут. Пятнадцать раз мы проигрели эту сцену. Мне, изкушенной театральной жизнью, было невозможно постичь эту неодолимую потребность доводить все до совершенства. Тем более что в спектакль вводилась я, а не он.

«О тыяжу «новая сфера» — режиссура. Это был замкомый, естественный переход в новую область, не менее сложное. Андрей поставил в театре четыре спектакля. В «Прощай, конференция» Г. Горина, спектакле искреннем, темпераментном, с зарядом высококого благородства человеческой души, по сей день стучит его сердце. В этом качестве он только начал набирать высоту...

За свои 46 лет Андрей прожил — 46! Жизнь, которая вобрала в себя столько трагических и счастливых судеб... Холдена, Колфилда, Жадова, Лопухина, Вишневого, Фигаро...

Риск формирует личность. Особенно мужчину. Андрей каждый спектакль играл так, как работает эквилибрист под куполом цирка — без подстраховки. Он не экономил себя, шею раздвигал все бесценное «амбициозно», всегда, каждый вечер рискуя своей жизнью. По мнению известного философа Н. Федорова — «молитва — вот начало искусства, которое состоит в создании Богом человека, через самого человека». И Андрей молился. У него был свой список свя-

тых. Каждый вечер на подмостках «своего храма» он неистово молился Островскому, Гоголю, Грибоедову, Брехту, Бомарше, Мольте, его была и объяснением в любви жизни, верени, небу, звездам, зрителям... всему мирозданию. И ему отвечали тем же.

Телеки, когда особенно ощущается нежность и внимание к нам «самой жизни» — в тепле, в зеленых листьях и цветах, в долгие дни... на площади Маяковского, к Театру Сатиры (большому булгаковскому зданию) — стояли, нарядные разноцветные люди посмотреть, как Андруша Миرون выходит из театра. Это было тело своего рода представление.

Андруша... не забыть тебя, с глазами цвета синьки, с накрамаленной уверенностью в жизни, по которой ты так весело ступал! Всегда была тогда, всегда была поклонницам, ради которых стоило бы сорваться под колеса машины своего кумира. «А из-под колес машины чей-то вопль раздался вдруг — ах, Андруша, ах, Миرون, вот вам доброй на ветру. Распишитесь! Ваш автограф в векови не сотру!»

Эти «назойливые девцы» очень отчаялись, наверное, от поклонки 20-летней, 40-летней давности. Когда складывались немедленно требовали отдачи, иногда самым экстравагантным способом... например, прокалывая шины. Это — своеобразная, теперь вымирающая порода (дефицит кумиров) — преданность, бескорыстие, причастность к большому таланту (ведь они вместе с ним, они рядом!). Они его действительно любили! Теперь горюшка этой любви можно видеть в каждом доме на Вагжанковском кладбище — они рядом в самые сильные морозы. Он их «гreet». Они не оставили его и после... Как ковер, расшитый цветами земля ковер холма, красиво уложенные ветки ели, горящие свечи...

Оли, Лена, Марты, Любы, Иры — была душевная конструкция на несколько порядков выше так называемых «сервизов искусства», укрывавших под «одеялом власти», чтобы преспокойно «одевать куриную ногу» своего жалкого существования.

Как известно, талантливым быть трудно. Это тяжелая ноша — часы отчаяния, приступы неуверенности, пошвенная степень реалистичности. Боль Андруша был «счастливым несчастливцем». И кто знает, какой ценой оплатил он свое место в жизни? И почему в последние часы пророчия на его лице были такие скорбные угли рта?

Но и существовать рядом с выдающимся «Явлением» — испытание, которое не выдерживает почти никто. Каиновское искусство завистью старо как мир, оно «лежит на пороге», и нужно перейти в более высокое человеческое качество, чтобы «осподствовать над грехом».

По мере роста и формирования его таланта формировалась и кулка традиционных «салерни», которые то и дело сладострастно подносили чашу с ядом к его устам. И он, зажмуриваясь, глотал, и продол-

жал... бороться... только силой своего таланта...

«Я не герой, я обыкновенный слабый человек. У меня мало воли, как понти у всех нас» — исповядовался Андруша в роли Жадова (может быть, в одном из лучших спектаклей советского театрального искусства — «Доходном месте»). «Я могу полюбиться», — продолжал он, — но прелестления не делаю; я могу сплотиться, но не уступить...»

Каждый может впасть в искушение и пойти к «аде» просить доходного места, но в последнюю минуту может и отказаться. Потому что главное на этом свете «БЫТЬ» а не «ИМЕТЬ». И Андрей «ИМЕТЬ».

Жадую заткнули рот. Но поклоению, пробравшемуся сквозь ряды конной милиции на этот спектакль, — рот не заткнул. Кто знает, может быть, этим импульсом был вызван феномен появления фильма Т. Абуладзе «Покаяние»?

Но... вот... внезапная смена декораций. Роскошный замок «Агас Фрескас» в спектакле «Фигаро» в Рижском театре оперы и балета превратился в реанимационную машину. Последние слова: «жизнь... бороться...» И увезли... И опять за ним не угнался, и опять он вышел за «рамки общности». И опять с последними словами Фигаро на сцене: «...теперь... ОНА оказывается... предпоче... мне... мне» — его душа устремилась в «ниие сферы».

20 августа на площади Маяковского, под дождем, не стесняясь, все вместе плакали люди... Это был его последний, трагический триумф.

«Послушай, ах, как это было давно... И та же гитара, и то же вино. Мне кажется даже, и музыка та же... Нет, вы ошибаетесь, друг мой, мы жили тогда на планете другой». И, как ни горька реальность, душа как-то ухитрилась конструировать «миражи надежды». Вот оно... Вот! Того и гляди появится... с глазами цвета синьки, с накрамаленной уверенностью в жизни, по которой он так весело ступал...

И опять императив, молитба, созвучие их слов, свернувшееся в ком, рвется из гортань — Андруша, я хочу, чтобы ты был бессмертен!

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30